

Ю. В. Бромлей

К ВОПРОСУ О НЕОДНОЗНАЧНОСТИ ИСТОРИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ НАУКИ

В ходе недавно состоявшейся дискуссии о предмете этнографии и ее месте в системе наук¹ особое внимание было уделено историческим традициям этой дисциплины. Нередко именно апелляции к такого рода традициям принадлежала важнейшая роль в обосновании той или иной трактовки задач современной этнографической науки, определении ее профиля. При этом участники дискуссии обращались к наследию самых различных школ и направлений. Но оно, как известно, чрезвычайно пестро. Не случайно, подводя итоги дискуссии, редакция «Советской этнографии» справедливо отметила, что ее «логично было бы начать с истории становления этнографии как науки»². Однако обсуждение проблем, связанных с профилированием этнографии, судя по всему, будет продолжаться и в дальнейшем. Поэтому представляется не лишним коснуться некоторых, имеющих, на наш взгляд, существенное значение для решения этих аспектов исторического развития данной дисциплины.

Целесообразно, видимо, начать с момента, когда она, так сказать, осознала свою «оригинальность», выделив себя из числа других дисциплин особым самоназванием. В ином случае мы неизбежно будем вынуждены экстраполировать на ранние этапы истории науки современные представления об этнографии³ и в конечном счете окажемся в замкнутом круге. Правда, задача установления момента возникновения «самосознания» у интересующей нас дисциплины далеко не проста, уже хотя бы потому, что она изначально именовалась неоднозначно. К тому же, сам вопрос о времени первого появления термина «этнография» долгое время вызывал оживленные споры⁴. Судя по всему, введение этого термина в научный обиход произошло в 70-е годы XVIII в. в Германии. При этом под этнографией или *Völkerkunde*⁵ понималась одна из отраслей географии⁶. Вслед за тем задачи этнографии определяются как «общее описание целого народа»⁷. Но уже в конце XVIII в. этнография характеризуется как наука, предмет которой составляют «физические, моральные и интеллектуальные особенности народов», должны показать «народы как людей», дать общую «картину человечества»⁸. Данное определение привлекает внимание тем, что рассматривая, как и предыдущее, в качестве основных объектов этнографии народы, в то же время в отличие от него не ограничивается задачей их описания, претендуя в конечном счете на роль человековедения. И эта

¹ См.: Сов. этнография (СЭ). 1987. № 3—6; 1988. № 1.

² СЭ. 1988. № 1. С. 70.

³ Ср.: Горленко В. Ф. Некоторые соображения по поводу статьи Ю. В. Бромлея и М. В. Крюкова//СЭ. 1988. № 1. С. 52—54.

⁴ См.: Fischer H. «Völkerkunde». (Ethnologie). Kritische Kontrolle der frühesten Belege//Zeitschrift für Ethnologie. Braunschweig. 1970. Bd. 95. Hf. 2. S. 175—177.

⁵ Этот термин введен немецким историком А. Шлецером в 1772 г.

⁶ Gatterer J. C. Abriss der Geographie. Göttingen. 1775.

⁷ Normann G. P. H. Geographisches und historisches Handbuch der Länder-, Völker- und Staatenkunde. Bd. I. Hamburg. 1785. S. 4 (Anm. 7).

⁸ Ehrmann T. F. Bibliothek der neusten Länder — und Völkerkunde. Bd. 1. Tübingen. 1791. S. 9.

двойственность в определении профиля интересующей нас науки имела, как мы убедимся ниже, немалое значение для ее дальнейшей судьбы.

В известной мере аналогичная тенденция проявилась в это время при определении профиля дисциплины, обозначаемой термином «этнология», появившейся в конце XVIII в. во Франции. Общая задача этой дисциплины характеризуется, как «история прогресса народов в цивилизации». Но вместе с тем указывается, что этнология — часть антропологии как «общей науки о человеке»⁹.

Что касается вопроса о соотношении этнологии и этнографии, то его решение было предложено в середине 30-х годов XIX в. известным французским физиком А.-М. Ампером. В своих таблицах по классификации наук он выделил этнологию в качестве отдельной дисциплины, отведя этнографии роль ее раздела¹⁰. Распространению термина «этнология» немало содействовало создание в 1839 г. «Парижского общества этнологии» (*Société d'ethnologie de Paris*). Вслед за тем в 1842 г. в США образовалось «Американское этнологическое общество» (*American Ethnological Society*), а в 1843 г. в Англии — «Этнологическое общество» (*Ethnological Society*). Одна из характерных черт понимания в это время профиля этнологических исследований — довольно устойчивое представление об их причастности к расовой проблематике¹¹, что связано с трактовкой общей цели такого рода исследований как всестороннего изучения человека (человечества)¹².

Этой тенденции — рассматривать человека (человечество) в качестве основной цели этнографических (этнологических) исследований, несомненно, способствовало распространение в то время идей эволюционизма. Весьма показательны в данном отношении взгляды одного из крупнейших представителей эволюционизма — А. Бастиана, отождествлявшего *Völkerkunde* с этнологией и этнографией¹³. В его работах признание, что этимология названия этнология — учение о народах¹⁴, причудливо сочетается с представлением о ее профиле, явно навеянным характерной для эволюционизма идеей единства человечества. Он рассматривал этнологию (или *Völkerkunde*) как всеохватывающую науку о человеке, составными частями которой являются антропология, психология, статистика, география и т. д. Хотя эта концепция и не стала доминирующей в этнологии (*Völkerkunde*), однако, несомненно, оказала определенное влияние на дальнейшее развитие представлений о ее целях. Пожалуй, особенно заметно это сказалось на взглядах некоторых немецких исследователей конца XIX — начала XX в. (К. Вайнхольд, А. Штарк, М. Фрайтаг и др.)¹⁵. Оставила рассматриваемая концепция свой след и в нашей дореволюционной этнографии¹⁶.

Эволюционизм немало содействовал и установлению в этнологии — этнографии (*Völkerkunde*) традиций изучения социальных отношений (социо-нормативной культуры). Эволюционистов особенно интересовали вопросы брачно-семейных отношений, родо-племенные и общинные институты (И. Я. Бахофен, Дж. Лэббок, Дж. Мак-Ленан, Л.-Г. Морган и др.). Не без влияния эволюционизма в этнографии (этнологии) получила распространение тенденция ограничивать ее рамки изучением

⁹ *Chavannes A. C. Essai sur l'Education intellectuelle avec le Projet d'une Science Nouvelle. Lausanne. 1787. P. 98.*

¹⁰ *Ampère A.-M. Essai sur la philosophie de sciences. P., 1834. Tabelle.*

¹¹ Этому, видимо, способствовало то, что в специальной литературе того времени (особенно англоязычной) термин «раса» употреблялся в значении, близком к понятию «народ», включая не только физические, но и культурно-психологические параметры (см., например: *The Journal of the Anthropological Institute of Great Britain and Ireland. L. 1872. Vol. 1*).

¹² См.: *Fischer H. Op. cit. S. 178—181.*

¹³ *Bastian A. Vorgeschichte der Ethnologie. B., 1881. S. 14.*

¹⁴ См.: *Ibid. S. 1.*

¹⁵ См. *Кагаров Е. Г. Пределы этнографии//Этнография. 1928. № 1. С. 11—12.*

¹⁶ Например, Л. Я. Штернберг в своих лекциях для учителей (1904 г.) давал такое определение этнографии: «Это наука о человечестве, как едином» (*Гаген-Торн Н. И. Ленинградская этнографическая школа в двадцатые годы. У истоков советской этнографии//СЭ. 1971. № 2. С. 137*).

ранних стадий развития человеческого общества. Эта тенденция дала о себе знать и в нашей отечественной науке, причем не только в дореволюционный период¹⁷, но и в первые послереволюционные десятилетия¹⁸.

Связанное с эволюционизмом представление о человеке (и человечестве) как основном объекте этнографии (этнологии) особенно большое значение имело для судеб этой научной дисциплины в англоязычных странах. Первоначально это, в частности, проявилось в стремлении свести ее задачи к исследованиям, которые у нас принято именовать физической антропологией. Так, Д. К. Причард уже в 1836 г. усматривал суть такого рода исследований в «физической характеристике наций и человеческих рас»¹⁹, а Л. Бурке в 1848 г. в «Этнологическом журнале», рассматривая термины «этнология» и «этнография», как синонимы, отождествил их с «естественной историей человека»²⁰. Но вместе с тем очень рано появляется тенденция трактовать антропологию в широком значении этого термина²¹. Как отмечалось выше, уже первое упоминание термина «этнология» сопровождалось утверждением, что она представляет собой часть антропологии²².

Определенная двойственность в трактовке вопроса о соотношении этих двух дисциплин имела серьезные последствия для их дальнейшей судьбы. Подобная двойственность создала благоприятную почву для раскола Лондонского этнологического общества. В 1863 г. часть членов этого общества во главе с Дж. Хантом отделилась и создала свое «Антропологическое общество». Существенную роль в этом сыграла внутренняя идеологическая борьба среди английских ученых. Дж. Хант придерживался твердого убеждения, что антропология должна вмешиваться в политику и активно влиять на общественное мнение. Он считал, что Этнологическое общество слишком связывает руки антропологам²³.

Негритянский вопрос и проблема рабства оказались тем пробным камнем, испытания которым не выдержало общество²⁴. В самый разгар волнений по этому поводу Дж. Хант уже в качестве президента нового Антропологического общества опубликовал свою статью «Место негра в природе» и пришел к определенным заключениям: негр представляет собой отличный от европейца вид, что аналогии между негром и обезьяной более многочисленны, чем между европейцем и обезьяной, что негр интеллектуально стоит ниже европейца, что негритянская раса может

¹⁷ Так, в статье «Этнография» для «Энциклопедического словаря» Брокгауза и Ефрона Л. Я. Штернберг, касаясь отличия этой дисциплины от социологии, усматривал таковое в том, что, «занимаясь главным образом низшими формами человеческих обществ, она предоставляет социологии изучать статистику и динамику человеческих обществ на самых высших и сложных ступенях развития». Впрочем, при этом Л. Я. Штернберг признавал, что со «строго философской точки зрения такие разграничения являются неточными» (*Штернберг Л. Этнография*//Энциклопедический словарь. Т. 81. СПб, 1904. С. 181).

¹⁸ Особенно отчетливо эта точка зрения проявилась в ходе дискуссий на рубеже 1920-х и 1930-х годов. См.: *Токарев С. А. Ранние этапы развития советской этнографической науки (1917 — середина 1930-х годов)*//Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. Вып. V. М., 1971. С. 119.

¹⁹ *Prichard D. C. Researches into the Physical History of Mankind. Vol. 1. L., 1836. P. 110.*

²⁰ *Burke L. Outlines of the Fundamental Doctrines of Ethnology//The Ethnological Journal. 1. 1848. P. 7.*

²¹ По мнению Пеннимана, первое употребление термина «антропология» в англоязычной литературе встречается в самом начале XVI в. (1501 г.) в заглавии одной анонимно изданной книги; при этом предмет антропологии в ней рассматривался как изучение анатомии и психологии человека (*Penniman T. K. A Hundred Years of Anthropology. L., 1965. P. 43—44*). Пуарье же считает, что, видимо, первым автором, использовавшим термин «антропология» был немецкий натуралист Блюменбах, который под ним понимал «науку о человеке как части естественной истории» (*Poirier Y. Histoire de l'ethnologie. P., 1969. P. 19—20*).

²² См.: *Chavannes A. C. Op. cit. P. 98.*

²³ См.: *Penniman T. K. Op. cit.*

²⁴ Напомним, что к этому времени борьба между защитниками и противниками рабства достигла своей высшей точки. В 1863 г., в год раскола в Североамериканских штатах шла гражданская война, за которой с живейшим интересом следили и противники и сторонники рабства в Англии. В этом же году Линкольн объявил об отмене рабства в Штатах.

быть гуманизирована и цивилизована только европейцами и что европейская цивилизация не подходит для потребностей и характера негра²⁵.

В своем вступительном обращении к членам нового общества Дж. Хант провозгласил свое понимание объекта и задач антропологии и этнологии. По его мнению, антропологией является вся наука о человеке и она должна включать в себя биологию, анатомию, химию, натуральную философию и физиологию. Этнология при этом должна заниматься нациями или расами, в то время как антропология — всеми проблемами происхождения и развития человечества с помощью археологии, геологии, анатомии, физиологии и филологии²⁶.

Общество, созданное Дж. Хантом, просуществовало, однако, недолго. Вскоре после его смерти (в 1869 г.) оно прекратило свое существование, объединившись с Этнологическим обществом. Но в наименовании этого объединения, возникшего в 1871 г., сохранилась преемственность с обществом, возглавлявшимся Дж. Хантом. Оно стало именоваться «Королевским Антропологическим институтом Великобритании и Ирландии»²⁷. Так было положено начало «великому расколу» в этнографии.

Последовавшее за этим «поглощение» в англоязычных странах этнологии (этнографии) антропологией, однако, отнюдь не повлекло за собой установления здесь полного единства в понимании профиля последней. Внешнее выражение это получило, как известно, в возникновении в Англии «социальной антропологии», а в США «культурной антропологии». Определение их предметных областей во многом связано с решением вопроса о соотношении таких категорий, как «культура» и «общество», культурные и социальные явления. Расхождения в интерпретации именно этого вопроса лежат, в частности, в основе той многолетней полемики, которая ведется между культурными и социальными антропологами по поводу взаимоотношений их наук. Большинство американских антропологов, считая, что понятие «культура» охватывает и социальную структуру, трактуют социальную антропологию как часть культурной антропологии. Многие же английские социальные антропологи склонны рассматривать культурную антропологию как часть социальной²⁸.

Вместе с тем иная этимология термина «антропология» по сравнению с «этнологией» («этнографией») не могла не оказать обратного влияния на понимание профиля обозначаемой им дисциплины²⁹. Особенно это сказалось в США. В результате здесь утверждается представление, что это — наука, всесторонне изучающая человека, его биологические и социокультурные свойства. Так, по Ф. Боасу «наука антропология имеет дело с биологией и с умственными проявлениями человеческой жизни»³⁰. Позднее примерно такое же определение дает М. Херсковиц, по словам которого «антропология, сосредоточив свое внимание на человеке, имеет в виду все фазы человеческого существования, биологические и культурные, прошлое и настоящее»³¹. Одна из сравнительно недавних общих дефиниций, принадлежащих Р. и Ф. Кисингам, гласит: «Антропологи рассматривают как физическую (биологическую), так и культурную и социальную характеристики человека»³². Однако подобные общие определения неизбежно выдвигают вопрос: чем отличается антропология от таких претендующих на изучение человечества в целом

²⁵ См.: Haddon A. C. History of Anthropology. L., 1934. P. 44—45.

²⁶ См. Anthropological Review. L., 1863. № 1. P. 1—20.

²⁷ См. Penniman T. K. Op. cit. P. 90—91.

²⁸ См.: Аверкиева Ю. П. Этнография и культурная/социальная антропология на Западе // СЭ. 1971. № 5. С. 13.

²⁹ Показательно, что с самого начала слово «антропология» означало «трактат о душе и теле человека» (см.: Poirier I. Op. cit. P. 19—20).

³⁰ Boas F. Psychological Problems in Anthropology. 1910. P. 1.

³¹ Hershkovits M. Y. Man and His Works. N. Y., 1949. P. 5.

³² Keesing R. M., Keesing F. M. New Perspectives in Cultural Anthropology. N. Y., 1971. P. 5.

дисциплин, как, например, социология и история? Обычно, к сожалению, вопрос о *differentia specifica* антропологии фактически обходится молчанием³³.

Что касается западноевропейских (неанглоязычных) стран, то здесь отчетливо проявилось стремление разграничить биологические и социокультурные аспекты изучения человечества. В большинстве из них уже в 60—70-х годах XIX века под антропологией стала пониматься научная дисциплина, исследующая физические (в том числе расовые) свойства людей. Это повлекло за собой и определенное «сужение» представлений о задачах этнологии — этнографии (*Völkerkunde*). Но особенно существенное влияние на эти представления оказали произошедшие в буржуазной науке в конце XIX — начале XX в. изменения теоретико-методологического характера.

В частности, под воздействием неокантианства с его отрицанием объективных закономерностей человеческой истории в буржуазной этнологии получил распространение диффузионизм, противопоставивший идее исторического развития идею пространственного перемещения явлений культуры. Внутри диффузионизма, правда, были свои течения — от классического антиисторизма Л. Фробениуса и Ф. Гребнера («школа культурных кругов») до умеренного диффузионизма И. Геккеля и Р. Гейне-Гельдерна. Однако всех их роднит не только общая идейная основа — философский индетерминизм, но и общее понимание этнографии как науки о культурах, рассматриваемых фактически в отрыве от их творцов и носителей — народов³⁴.

Почти одновременно с неокантианством, в конце XIX в., основатель французской социологической школы Э. Дюркгейм использовал для изучения народов неопозитивистские идеи. В то время как эволюционисты видели свою главную задачу в изучении человека, а диффузионисты — в изучении культуры, Дюркгейм и его последователи сделали предметом своего исследования общество³⁵. Правда, для них общество было системой не производственных и социальных, а скорее нравственных связей, причем каждая такая система рассматривалась как совершенно независимая, изолированная от других единиц.

Одним словом, к началу XX в. на Западе накопилось немало самых разноречивых представлений о профиле и задачах исследований, традиционно именуемых в нашей отечественной науке «этнографическими», хотя в разных странах соответствующая дисциплина называлась далеко не одинаково (этнология, *Völkerkunde*, социальная и культурная антропология и т. д.). Как не без основания отмечал Л. Я. Штернберг в опубликованной в 1904 г. статье «Этнография», «получился хаос названий, вызвавший хаос в самом понимании предмета науки»³⁶. И все же во всех этих исследованиях имелось нечто общее. Дело в том, что, хотя в своем подавляющем большинстве ведущие их специалисты осознанно не различали предмет и объект изучения, однако фактически это различие проводилось. И если, действительно, в определении предмета (конечных целей) такого рода исследований имелся огромный разрыв, то в выборе самих объектов изучения его не было. Для всех них независимо от их наименования реальными объектами познания были народы, отставшие в своем развитии, или, как они тогда именовались, «неисторические народы» (*Naturvölker*)³⁷.

Но термин «этнография», как известно, используется у нас (в отличие от многих западных стран) также для обозначения исследований,

³³ См.: Бромлей Ю. В. О предмете культурной/социальной антропологии и этнографии в трактовке англо-американских и советских ученых (опыт сравнительного анализа) // Этнография за рубежом. М., 1979. С. 10—11.

³⁴ См., например: *Frobenius L. Der Ursprung der afrikanisches Kulturen*. В., 1898. S. XIII.

³⁵ См. Токарев С. А. История зарубежной этнографии. М., 1978. С. 206.

³⁶ См. Штернберг Л. Я. Указ. раб. С. 181.

³⁷ Такое представление об объекте этих исследований, несомненно, способствовало распространению в них принципов и методов естественных наук.

посвященных народам не только развивающихся, но и развитых стран. А в этой сфере между тем сложились свои традиции в понимании предмета такого рода исследований. Да и само их наименование в разных странах далеко не одинаково, притом дословный перевод таких наименований обычно не позволяет получить сколько-нибудь ясного представления о характере обозначаемых ими исследований. Так, в Германии исследования немецко-язычных народов получили наименование *Volkskunde*³⁸. Но первоначально, в XVIII в., под этим термином понимался главным образом сбор сведений географического характера, а также данных о народонаселении и его занятиях. Постепенно в сферу интересов *Volkskunde* было включено изучение нравов, культур, образа жизни. К началу XIX в. основное внимание стало уделяться духовной культуре с целью выявления «общего народного духа» (*Geist der Völker*). При этом преобладающим оказалось мнение, что в таком случае *Volkskunde* должно опираться прежде всего на изучение жизни крестьянства³⁹. Впрочем, уже в начале XX в. в специальной литературе можно встретить мнение, что, хотя крестьянство благодаря большому консерватизму является ценным источником для этой дисциплины, городские жители, рабочие, ремесленники, торговцы тоже составляют ее предмет⁴⁰. Следует упомянуть и тенденциозную концепцию, согласно которой *Volkskunde* должна изучать два слоя культуры современных народов: изначальное «коллективное достояние» (*Gemeinschaftsgut*) и «осевшие культурные ценности» (*gesunkenes Kulturgut*)⁴¹. Высказывалось также мнение, что предметом *Volkskunde* является «почвенный» или «фольклорный» слой культуры⁴².

В скандинавских странах для обозначения дисциплины, изучающей собственные народы, употребляются термины, представляющие кальку с немецкого *Volkskunde*: в Швеции и Норвегии — *Folkeminner*, в Дании — *Folkeminder*. В качестве аналога немецкого *Volkskunde* в романоязычных странах закрепился термин «народная традиция» (во Франции — *Traditions populaires*, в Италии — *Tradizioni popolari*, в Испании — *Tradiciones populares*). Подчас эквивалентом *Volkskunde* в ряде европейских стран выступает и термин «фольклор» (*folklore*). Однако в современной научной литературе он чаще всего употребляется для обозначения устного народного творчества⁴³.

Что касается англоязычных стран, то здесь социальная и культурная антропология постепенно все более усложняли представления об их предметной области. С одной стороны, этому немало способствовало появление в них новых идейных течений (функционализма, бихейворизма, структуризма и т. д.), каждое из которых выдвигало на передний план изучение того или иного аспекта жизни общества. С другой, — сказалась тенденция расширения границ предметной области этих дисциплин — распространение ее на современные развитые общества. Показательно, что в специальном обзоре «Социальная и культурная антропология», подготовленном для ЮНЕСКО профессором Оксфордского университета М. Фридманом, исследовательская зона этих дисциплин определялась в пределе между так называемыми примитивными обществами и современными⁴⁴. На практике «примитивным» обществам отдается явное предпочтение (особенно социальными антропологами), а

³⁸ Первое употребление этого термина относится к 1782 г. (См.: *Reihl W. H. Die Volkskunde als Wissenschaft//Kulturstudien aus drei Jahrhunderten. 1859.*)

³⁹ См.: *Schwietering I. Wesen und Aufgaben der deutschen Volkskunde//Deutsche Vierteljahrschrift für Literaturwissenschaft und Geistesgeschichte. Halle, 1927. Jg. 5. Hf. 4, S. 748 ff.*

⁴⁰ *Strack A. Volkskunde//Hessische Blätter für Volkskunde. Bd. 1. Giessen. 1902. S. 149 ff.*

⁴¹ *Naumann H. Primitive Gemeinschaftskultur. Jena, 1921.*

⁴² *Geramb V. von. Die Volkskunde als Wissenschaft//Zeitschrift für Deutschkunde. Leipzig; Berlin, 1924. Jg. 38. Hf. 5. S. 337 ff.*

⁴³ См.: *Гусев В. Е. Фольклор (история термина и его современное значение)//СЭ. 1966. № 2. С. 4—5.*

⁴⁴ *Freedman M. Social and Cultural Anthropology. Extract from Main Trends of Research in the Social and Human Sciences. UNESCO. Paris—The Hague, 1973—74. P. 4, 5.*

при изучении современных во внимание принимаются преимущественно малые группы⁴⁵. Вместе с тем в последнем случае все более утрачивается народоведческий характер исследований⁴⁶ (это, кстати сказать, наглядно свидетельствует об отнюдь не нейтральном значении наименования научной дисциплины для формирования представлений о ее профиле). В результате становится сложно провести разграничение между социальной культурной антропологией и социологией. Особенно трудно защитить от «притязаний» социологии социальную антропологию. Ведь еще основатели последней рассматривали ее как субдисциплину социологии⁴⁷. И в современной англоязычной литературе нередко признается их тесная связь, подчеркивается, что они имеют те же самые цели⁴⁸.

Весьма характерна в этом отношении попытка сопоставить социальную антропологию и социологию, предпринятая известным английским социологом Э. Геллнером. Прекрасно понимая трудности разграничения этих дисциплин, он вынужден признать несостоятельность размежевания на следующей основе: а) антропология изучает примитивные общества, социология — развитые; б) антропология рассматривает общество в целом, социология — отдельные его аспекты; в) антропология — эмпирическая наука, социология — теоретическая; г) антропология и социология пользуются неодинаковой исследовательской методикой⁴⁹. В конечном счете Э. Геллнер приходит к выводу, что четкой границы между предметами социальной антропологии и социологии нет. Отсюда он заключает, что различия следует искать не в четком разделении предмета и метода, а в истории этих двух дисциплин. В современной Англии социологи разнородны, «причем некоторые настолько далеки друг от друга, что им недоступен не только продолжительный диалог, но иногда диалог вообще». В противовес этому антропологи отличаются согласием и моральной общностью, которая налагает определенные нормы на своих членов. Такими нормами, по Э. Геллнеру, является «структурно-функциональный метод и определенное отношение ко времени, которое ведет свое начало от Малиновского и характеризуется безразличием к прошлому»⁵⁰. Однако неубедительность этих критериев очевидна. Они, в частности, противоречат тому, что сказано самим автором относительно неправомерности отграничения социальной антропологии от социологии на основе использования того или иного познавательного инструментария; к этому следует добавить и указание его самого на неправомерность «игнорировать вполне успешные усилия антропологов учитывать изменения во времени»⁵¹. Впрочем, справедливости ради следует отметить, что сам Э. Геллнер предложенные им критерии разграничения социальной антропологии и социологии сопровождает оговоркой, что он вполне отдает «себе отчет в том, насколько велико это упрощение»⁵².

«Размытость» границ между социологией и антропологией в целом осознается и отдельными американскими учеными. Достаточно показательно в этом отношении замечание одного из ведущих социологов США Т. Парсонса. «Трудно охарактеризовать,— пишет он,— то особое положение, которое занимает антропология, потому что в определенных отношениях... она присвоила себе область еще более широкую, чем область самой социологии, тогда как в других отношениях она сконцентрировала свое внимание на культурах и обществах, не знающих письменности»⁵³. Несомненно, отсутствием четких границ между антропо-

⁴⁵ См., например: *Keesing R. M., Keesing F. M.* Op. cit. P. 4—5.

⁴⁶ Показательно, в частности, что на XI Международном конгрессе антропологических и этнологических наук (1983 г.) американскими антропологами были представлены доклады на такие темы, как «антропология бюрократизма».

⁴⁷ Это, в частности, отмечали А. Р. Рэдклифф-Браун и Э. Эванс-Причард.

⁴⁸ *Encyclopaedia Britannica*, Vol. 20. P. 862.

⁴⁹ *Gellner E.* Cause and Meaning. Boston, 1973. P. 107—110.

⁵⁰ *Ibid.* P. 111.

⁵¹ *Ibid.* P. 108.

⁵² *Ibid.* P. 111.

⁵³ Американская социология: Перспективы. Проблемы. Методы. М., 1972, С. 362—363.

логией и социологией порождена также характерная для последнего времени тенденция к созданию в университетах США кафедр, объединяющих обе эти дисциплины.

В целом же сказанное, по-видимому, не оставляет сомнений в том, что определение места культурной/социальной антропологии в системе наук сопряжено с немалыми трудностями. И ныне это относится не только к Великобритании и США, но и ко всем англоязычным странам, а также ко многим странам, где английский язык получил широкое распространение (Индия, Египет, Япония и т. д.)⁵⁴. То же самое следует сказать о большинстве западноевропейских стран, где в последнее время социальная/культурная антропология получила широкое распространение, все более тесня или даже поглощая этнолого-этнографические исследования. Не случайно здесь предпринимаются попытки установить иерархию соотношения этих дисциплин. Например, К. Леви-Стросс предложил считать антропологию «последним этапом синтеза, основывающимся на выводах, полученных в этнографии и этнологии»⁵⁵.

Одним словом, этнографо-этнологические исследования на Западе в конечном счете оказались в значительной мере оттесненными на задний план социальной/культурной антропологией, постепенно утрачивающей свой изначально народоведческий характер.

Несколько иначе сложилась судьба народоведческих исследований в восточноевропейских странах и прежде всего в России, где как известно, важнейшей вехой в истории такого рода исследований было создание в 1845 г. Русского географического общества с Отделением этнографии. В его научном профиле почти сразу получили отражение два основных раздела народоведческих исследований. Правда, первоначально главная задача этнографии была определена как «познание разных племен, обитающих в нынешних пределах государства, со стороны физической, нравственной, общественной и языковедения»⁵⁶. Нетрудно заметить, что подобно ранним определениям профиля этнографии в зарубежной науке (прежде всего немецкой) основным ее исследовательским объектом и в данном случае признаны племена, т. е. отставшие в своем развитии народы, а к предметной области отнесено также изучение их «со стороны физической». Такой направленности этнографических исследований, судя по всему, немало содействовало то, что на первых порах этнографическое отделение РГО возглавлял естествоиспытатель К. М. Бэр, которого интересовали главным образом нерусские народы России. Однако, вскоре (уже в 1848 г.) во главе Отделения стал журналист Н. И. Надеждин, поставивший задачу направить основное внимание на изучение русского народа, притом не только его прошлого, но и современного быта⁵⁷.

Таким образом, практически с момента организационного оформления этнографической науки в России объектом ее изучения стали как малочисленные, так и многомиллионные, как отставшие, так и сравнительно развитые в социально-экономическом отношении народы. При этом представляется заслуживающим внимания, что с самого начала под словом «народ» понимались все разновидности этнических образований (племена, народности), а в начале XX в. для обозначения объекта этнографии стал использоваться термин «этнос»⁵⁸. Показательно и то, что сама наука о народах сразу стала именоваться «этнографией»⁵⁹.

⁵⁴ См.: *Vidyarthi L. P. Trends in World Anthropology. Delhi, 1978.*

⁵⁵ *Леви-Стросс К. Структурная антропология. М., 1983. С. 314. Ср. также: Auge M. The Anthropological Circle. Symbol, Function, History. Cambridge, 1982. P. 80.*

⁵⁶ *Берг Л. С. ВГО за сто лет. М.; Л., 1946. С. 33.*

⁵⁷ См.: *Токарев С. А. История русской этнографии. М., 1966. С. 215—216.*

⁵⁸ См.: *Могиланский Н. М. Этнография и ее задачи // Ежегодник Русского антропологического общества. III. 1908. С. 102—105. Поэтому необоснованной представляется попытка приписать мне заслугу выдвижения «этнических общностей разных типов в качестве основных объектов этнографической науки» (Алексеев В. П. Этногенез. М., 1986. С. 6).*

⁵⁹ Первые случаи употребления термина «этнография» в России относятся к началу XIX в. (см.: *Токарев С. А. Указ. раб. С. 185, прим. 89).*

(иногда также «народоведением»); в середине 20-х годов XX в. в научный обиход входит термин «этнология», но не надолго: уже в начале 30-х годов он перестает употребляться и вот уже более полувека вновь в научном обиходе почти исключительно используется термин «этнография».

Во многом сходной была судьба народоведческих исследований в большинстве других восточноевропейских стран. Здесь для обозначения такого рода исследований чаще всего используется термин «этнография» (в Албании, Болгарии, Венгрии, Польше, Румынии, Чехословакии, Югославии), а иногда также перевод его на соответствующий язык (например, *parodopis* — по-словацки; *parodopisje* — по-словенски; *ludoznawstwo* — по-польски; *pérgajz* — по-венгерски) или термин «этнология» как синоним «этнографии» (например, в Югославии). При этом здесь, как и в русской научной традиции, исследовательским объектом этнографии (и ее аналогов) принято считать народы. Правда, этнографы восточноевропейских стран в большинстве своем основное внимание уделяют изучению собственного народа, но, как правило, ими ведутся в тех или иных масштабах этнографические исследования и народов зарубежных стран, в том числе развивающихся. Важная общая черта этнографической науки в восточноевропейских странах — интерес не только к прошлому народов, но и к их настоящему, к современности⁶⁰.

Таким образом, в восточноевропейских странах сложилась научная дисциплина, которая при всех различиях в определении ее конкретных задач обладает существенными отличительными чертами: ее исследовательским объектом являются все разновидности народов (этносов), а их изучение обозначается общим термином (терминами), связанным с наименованием объекта такого изучения. И еще одна общая, характерная для восточноевропейских стран черта в трактовке данной дисциплины: хотя она здесь чаще всего именуется «этнографией», однако (несмотря на этимологию этого термина), под ней понимаются два исследовательских уровня — и описательный, и теоретический.

Все эти представления об этнографии, установившиеся в восточноевропейских странах, существенно отличаются от сложившихся на Западе традиций в отношении ее аналогов (этнологии, социальной и культурной антропологии и т. д.). И дело не столько во внешней (терминологической) их раздробленности, сколько в том, что при этом нередко утраченным оказывалось изначальное (осознанное или неосознанное) представление о народах (этносах) как основных исследовательских объектах; более того, подчас они и фактически перестают быть таковыми. Иначе говоря, есть основания для разграничения этнографии в узком и широком значении этого слова. В первом случае имеется в виду то ее наименование, которое установилось в восточноевропейских странах, где она, как правило, данным термином и обозначается. Во втором — наименование «этнография» распространяется на ряд смежных дисциплин, выступающих на Западе под названиями, рассматриваемыми в качестве его синонимов⁶¹. Представляется при этом существенным учитывать, что если на начальных этапах различия между восточноевропейской и западной трактовками этнографии были сравнительно незначительны, то по мере приближения к современности они все более возрастали⁶². К тому же не следует забывать, что в восточноевропей-

⁶⁰ См.: например: *Historija ethnografii polskiej*. Wrocław; Kraków; Gdansk, 1973; *Этнография в странах социализма. Очерки развития науки*. М., 1975; *Pogledi na ethnologijo*. Ljubljana, 1978; *Этнография на България*, Т. I. София. 1980.

⁶¹ Именно эта широкая трактовка «этнографии», полностью отождествляющая ее, в частности, с социальной и культурной антропологией, характерна для большинства выходящих у нас работ по ее истории (см., например: *Токарев С. А.* Указ. раб.).

⁶² Несколько иная тенденция в развитии народоведения наметилась в ГДР, что нам уже приходилось отмечать в одной из недавних статей в СЭ (см.: *Бромлей Ю. В.* О предмете этнографии в свете логико-системного анализа // СЭ. 1988. № 1. С. 64—65).

ской традиции антропология⁶³ — наука о вариациях физического строения человека⁶⁴.

Стало быть, если при определении предметной области современной советской этнографии и апеллировать к научному наследию, то, очевидно, предпочтение следует отдать традициям восточно-европейским, в первую очередь отечественным⁶⁵. Что касается западных традиций, особенно англо-американских, то обращение к ним требует по крайней мере дифференцированного подхода. Конечно, было бы крайностью полное неприятие социальной/культурной антропологии, в известной мере характерное для прошлого. Как справедливо было недавно отмечено, едва ли корректно наши современные представления о «дисциплинарной» принадлежности безоговорочно распространять на таких ученых как, скажем, Э. Тайлор и Л. Морган; результаты их исследований, несомненно, вошли в базовый фонд современной этнографии⁶⁶. Но иное дело культурная/социальная антропология после того, как «великий раскол» стал ощутимо сказываться на представлениях о профиле такого рода исследований и они все более стали связываться не с народами, а с человеком. Кстати, такой подход неизбежно требует особого внимания к соотношению биологического и социального в человеке⁶⁷, чем и обусловлено важное место в западной антропологии раздела, посвященного биологической проблематике.

Весьма наглядно о расхождении предметных зон этнографии, и культурной/социальной антропологии при изучении современности свидетельствует, например, тот факт, что такая «этнографическая» тема, как современные межэтнические отношения и этнические процессы, находится преимущественно в поле зрения англо-американских социологов, а не антропологов⁶⁸. Соответственно ссылки на современный опыт западной антропологии вряд ли будут способствовать развитию одного из важнейших направлений современной советской этнографии.

Одновременно следует учитывать, что при изучении современности в культурной/социальной антропологии выступают две тенденции, несколько сближающие ее с этнографией. Одна проявляется в особом внимании к традиционно-бытовым компонентам образа жизни людей. Другая — в характерном для современной культурной/социальной антропологии стремлению к сравнительному анализу, выявлению вариаций культурных и социальных общностей. Ведь и для этнографии сравнительно-типологический подход — важнейшее условие выявления типич-

⁶³ Показательно, что в континентальной Европе еще во второй половине XIX в. наметилась тенденция разграничения антропологии и этнологии (этнографии), что проявилось, например, в создании в Германии «Общества антропологии, этнологии и предистории» (1869 г.) в Италии — «Итальянского общества антропологии и этнологии» (1871 г.)

⁶⁴ Поэтому во избежание терминологической путаницы вряд ли целесообразно было бы механически распространять на комплексное изучение истории человека, появившееся ныне на Западе понятие «историческая антропология» (см.: Гуревич А. Я. Этнология и история в современной французской медиевистике//СЭ. 1984. № 5 С. 46—48; *его же*. Историческая наука и историческая антропология//Вопросы философии. 1988. № 1. С. 56—70; ср.: Алексеев В. П. Историческая антропология. М., 1979).

⁶⁵ Это нам уже приходилось отмечать в ходе дискуссии о предмете этнографии и ее месте в системе наук (см.: Бромлей Ю. В. О предмете этнографии в свете логико-системного анализа. С. 63).

⁶⁶ От редакции//СЭ. 1988. № 1. С. 80.

⁶⁷ Как справедливо подчеркивается в нашей современной философской литературе, если общество представляет собой нечто сверхприродное — «продукт взаимодействия людей» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 27. С. 402), то человек, хотя его сущность определяет «совокупность всех общественных отношений» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 3), есть целостное единство природы и общества. (см., например, Каган М. С. Человеческий фактор развития общества и общественный фактор развития человека//Вопросы философии. 1987. № 10. С. 16—17.

⁶⁸ См.: Бадалян И. А. Некоторые методологические аспекты этнической проблематики в работах современных социологов и этнографов Запада//СЭ. 1976. № 1. С. 155—165; Таболина Т. В. Этническая проблематика в современной американской науке. Критический анализ основных этносоциологических концепций. М., 1985. С. 12—23.

ных черт основных исследовательских объектов — этносов, а также других историко-культурных общностей.

Вместе с тем нельзя не заметить и некоторое углубление различий между предметными областями сопоставляемых дисциплин. В известной мере это связано с тем, что в последнее время профиль этнографии, во всяком случае в некоторых странах, определяется более строго, чем культурной/социальной антропологии. У последней же он становится все более расплывчатым и менее соответствующим ее наименованию, что крайне затрудняет демаркацию со смежными дисциплинами, в первую очередь защиту от натиска социологии. Если при всем этом учесть наличие в культурной/социальной антропологии кризисных явлений идеологического характера, то станет понятным, почему в современной западной литературе можно встретить не только определение ее перспектив как весьма туманных, но и требование более строгого определения ее предмета⁶⁹.

Что же касается будущего этнографии, то понимание ее как науки об этносах не оставляет места для пессимизма. До тех пор, пока существуют этносы — народы, этнография сохранит свой объект исследования, и не только как историческое прошлое, но и как живую действительность.

⁶⁹ Lévi-Strauss C. Anthropology: Its Achievements and Future//Current Anthropology. 1968. V. 9. № 7. P. 126. Необходимость поиска новых путей развития культурной/социальной антропологии в будущем все в большей мере начинает осознаваться зарубежными специалистами. На последних (X, XI и XII) Международных конгрессах антропологических и этнологических наук этому уделялось особое внимание.

Л. С. Клейн

СТРАТЕГИЯ СИНТЕЗА В ИССЛЕДОВАНИЯХ ПО ЭТНОГЕНЕЗУ

**[интеграция наук и синтез источников
в решении проблем этногенеза]**

Этногенез: традиционный подход. Историю каждого современного народа обычно начинают с вопроса о его происхождении — этногенезе. В такой форме вопрос неясен. Он обретает разумный смысл, лишь если мы сформулируем иначе: какой древний этнос можно идентифицировать с этим современным народом или связать с ним прямой преемственностью, а затем сведем дело к вопросу о том, когда, где, как и из каких компонентов сложился (или из какой среды выделился) этот древний этнос¹.

В прошлом веке проблемой этногенеза занимались в основном лингвисты, и этногенез рассматривали просто как аспект глоттогенеза. С рубежа XX в. усилиями Г. Коссинны центр тяжести проблемы сместился в область археологии и антропологии, а этногенез превратился в функцию и срез расогенеза и культурогенеза². Методологической основой этого совмещения было неоромантическое представление об органичном единстве всех параметров этноса как проявлений «национального духа». Естественно было полагать, что при такой сопряженности они должны были, в динамике проходя сквозь всевозможные исторические катаклизмы, держаться вместе — не разрозниваясь. Отсюда сле-

¹ Клейн Л. С. К постановке вопроса о происхождении славян//Проблемы отечественной и всеобщей истории. Л. 1969. С. 21—35.

² Klejn L. S. Kossinna in Abstand von vierzig Jahren//Jahresschrift für mitteldeutsche Vorgeschichte (Halle). Jg. 58. 1974. S. 7—55.